ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА КОСОВА)[1]

И.В. Фомин

Аннотация. В рамках статьи предлагается к обсуждению семиотически ориентированная методика анализа образов государств. Образы при этом понимаются как семиотические конструкции, формируемые в рамках тех или иных дискурсов. На основе некоторых теоретических положений семиотики повествований и критического дискурс-анализа предложена схема разбора образов, подразумевающая изучение их семантического, синтактического, прагматического аспектов. Уровень семантики соответствует функциональному аспекту образа (что делает?), уровень синтактики – качественному аспекту образа (кем является? какую роль выполняет?). Уровень прагматики характеризует образ с точки зрения отраженных в нем позиций, намерений и оценок, продиктованных определенными социальными интересами. В практическом плане изучение образов государств может быть сведено к выявлению на текстовом материале единиц анализа, специфических для каждого из исследуемых уровней. На уровне семантики – из анализируемого текстового материала вычленяются элементарные содержательные единицы повествований, характеризующие основные действия изображаемого государства. На уровне синтактики – для каждого входящего в исследуемый дискурс текста составляется схема распределения актантных ролей (по А.Ж. Греймасу) и выясняется место, занимаемое в ней изучаемым государством. На уровне прагматики – с использованием исследовательского аппарата критического дискурс-анализа выявляются дискурсивные стратегии, реализуемые в отношении исследуемого образа государства. Возможности аналитической схемы проиллюстрированы в статье на примере разбора образа Косова в российском внешнеполитическом дискурсе. Проанализированы тексты президента Российской Федерации в период с 2008 по 2012 гг. Систематическим образом описаны семантические, синтактические и прагматические характеристики образа Косова, конструируемого в этих текстах.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, Косово, непризнанные государства, образ, образ государства, политическая семиотика, политический дискурс, российский политический дискурс.

В соответствии с терминологией, принятой в современной семиотике, любая последовательность знаков, используемых для передачи сообщения, может считаться текстом. И, как и всякий сигнал, передающий информацию, текст имеет свойство исчерпывать количество энтропии в мире. Именно этим все то, что существует в тексте, отличается от существующего в физической реальности. Мир в его физическом измерении состоит из объектов, которые изменяются

ФОМИН Иван Владленович, младший научный сотрудник ИНИОН РАН. Для связи с автором: fomin.i@gmail.com

FOMIN Ivan Vladlenovich, Junior Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Email: fomin.i@gmail.com

[1] Работа выполнена в рамках проекта “Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований” (грант РФФИ № 13-06-00789).

во времени в сторону нарастания энтропии. Мир, реализующийся в тексте и создаваемый посредством осмысленной деятельности, по мере своего развертывания, напротив, накапливает негэнтропию (определенность)[2]. (Это весьма емко выразил Толкотт Парсонс, когда отмечал, что наш мир пронизывают два структурообразующих и взаимодополняющих "кибернетических" параметра: энергетическое нарастание контролирующих факторов (*hierarchy of controlling factors*) в сторону физико-органической среды и информационное нарастание обуславливающих факторов (*hierarchy of conditioning factors*) в сторону того, что он именовал "Конечной Реальностью" [Parsons 1966: 28].)

Человек с точки зрения этих наблюдений оказывается существом двоякой природы, поскольку обитает одновременно в двух универсумах: в устремленной к энтропии физической *реальности* и в противоположно направленной, семиотически осмысленной *действительности* [Ильин 2009: 186-189]. Человеческая жизнь, таким образом, оказывается, с одной стороны, подчинена законам физического мира – и в этом своем модусе стремится к распаду, к смерти. С другой же стороны, реализуясь в своем семиотическом измерении, она оказывается обращена к все большему упорядочению и осмысленности[3].

Необходимость человеческого существования в действительности – внутри текста – подталкивает нас к тому, чтобы изучать человека именно с позиций семиотической перспективы. Такого рода оптика может обеспечить получение как гуманитарного, так и социального знания. При этом всю совокупность методов, ориентированных на изучение текстов и знаков, можно назвать *семиотическим органоном* [Ильин 2013; Фомин 2013].

На сегодняшний день пока нельзя говорить о семиотическом органоне как о чем-то, что уже в полной мере сформировалось и реализовало весь свой потенциал, однако для развития семиотического инструментария в обществоведении и, в частности, в политологии можно усмотреть весьма богатые перспективы.

В политической науке потенциальное поле применения семиотически ориентированных методов исследования очень широко. Ведь и программные политические тексты, и предвыборные дебаты, и политические манифестации, и масса других явлений политической действительности могут становиться предметами анализа при применении такого рода инструментария.

Кроме того, богатые перспективы развития семиотически ориентированных методов исследования связаны не только с высоким аналитическим потенциалом семиотического органона, но и с тем, что в перспективе он может сыграть роль интегратора в отношении разделенных дисциплинарными границами областей социально-гуманитарного знания. Иными словами, язык семиотики может стать тем общим языком для гуманитарных наук, каким стала математика для наук естественных.

В качестве одного из возможных трансдисциплинарных методологических интеграторов семиотика обсуждается уже в течение достаточно долгого вре-

[2] Подробнее см., например [Руднев 2000: 9-22].

[3] "Каждый процесс, явление, событие (назовите это, как хотите), короче говоря, все, что происходит в Природе, означает увеличение энтропии в той части Вселенной, где это имеет место. Так и живой организм непрерывно увеличивает свою энтропию, или, иначе, производит положительную энтропию и, таким образом, приближается к опасному состоянию максимальной энтропии, представляющему собой смерть. Он может избежать этого состояния, то есть оставаться живым, только постоянно извлекая из окружающей его среды отрицательную энтропию..." [Шрёдингер 2002: 75].

мени. В частности, такая перспектива была намечена для нее американским семиотиком Ч.У. Моррисом [Моррис 1983: 38]. Впрочем, в своей максималистской версии программа Морриса на сегодня еще далека от реализации. Тем не менее, вследствие произошедшего в науке XX в. "лингвистического поворота", затронувшего в том числе и политологию, некоторые инструменты наук о знаках сегодня уже встроены в арсенал наук о человеке и обществе. Однако существующие в этом пространстве семиотические инструменты пока не сложились в устоявшуюся и целостную систему семиотических методов исследования. Они существуют пока как россыпь отдельных приемов, которые образуют разнообразные сочетания и разбросаны по различным дисциплинам, школам, направлениям и исследовательским традициям.

В этих условиях задача систематической выработки и внедрения семиотически ориентированных исследовательских инструментов в обществоведении и, в частности, в политологии оказывается одной из самых насущных.

В настоящей статье представлена попытка выработки теоретически обоснованного и целостного семиотического аналитического инструмента, ориентированного на изучение образов государств, конструируемых посредством повествовательных текстов. В качестве примера применения предложенной аналитической схемы представлен разбор образа Республики Косово в российском внешнеполитическом дискурсе.

Как отмечает ряд авторов [Берендеев 2012; Семененко 2008], число исследовательских работ, ориентированных на анализ политических образов (и, в частности, образов государств), сегодня весьма велико, однако вопросы теоретического и методологического характера подробно изучаются лишь в немногих из них, да и то выборочно. Можно надеяться, что предпринятая попытка интеграции в аппарат политической науки семиотических методов анализа образов поможет отчасти решить эту проблему.

Уровни семиотического анализа

Выше уже было отмечено, что метадисциплинарная перспектива для семиотики была сформулирована американским ученым Моррисом. При этом одним из главных элементов моррисовской теоретической рамки, заданной для этой дисциплины, была предложенная им триада уровней семиотического анализа:

1) Семантика.
2) Синтактика.
3) Прагматика.

Согласно этой схеме, к семантике предлагается относить отношения между знаками и означаемыми ими объектами, к синтактике – отношения знаков между собой, а к прагматике – отношения знаков к интерпретаторам [Моррис 1983: 42]. Для каждого из уровней анализа характерен собственный набор единиц и правил их сочетания.

Именно с точки зрения этих трех аспектов семиотического описания –семантического, синтактического и прагматического – предлагается анализировать образы[4] государств в рамках представленной ниже схемы.

[4] Подробнее о семиотике образа см. [Фомин 2012: 237-250].

Семантический аспект анализа образа

Единицами описания образа государства на уровне семантики выступают элементарные единицы сюжета (функции), на которые можно разложить любое повествование. При этом такого рода элементарные функции охватывают функциональный класс, определяемый понятием “делать” [Барт 2000: 206]. То есть семантическое описание образа государства – это описание того, что изображаемое государство “делает” в том или ином дискурсе. При этом функции, образующие сюжеты, по природе своей связаны друг с другом отношениями корреляции, т.е. одна функция может истребовать появление в сюжете еще какой-то функции [там же: 203].

Важно понимать, что функция “существует актор N” – это один из вариантов элементарной семантической единицы (тоже один из вариантов ответа на вопрос “что делает?”). Поэтому к сфере семантики относятся также и вопросы о том, в каких более частных проявлениях воплощается в дискурсе то или иное государство. Ведь далеко не всегда государство представлено в дискурсе как единый актор. Зачастую это набор из нескольких акторов, в который может входить собственно государство (например, *Россия*), государственные органы (*правительство России, президент России*), официальные лица государства (*президент Путин*), вся нация (*народ России*) и т.д.[5]

Так, при анализе семантического аспекта дискурсивных образов государств перед исследователем встает задача установить, в виде каких функций, связанных отношениями корреляции, представлено в дискурсе то или иное государство. Эта задача распадается на два подвопроса:

1. В виде каких функций-акторов представлено изучаемое государство (“что существует?”).

2. С какими функциями-событиями оно связано (“что делает?”).

Синтактический аспект анализа образа

Описание государства через элементарные семантические функции можно назвать функциональным аспектом образа. Описание же образа на уровне синтактики можно считать его качественным описанием. То есть, если на уровне семантики описание образа выстраивалось по принципу “что делает?”, то на уровне синтактики основным вопросом оказывается вопрос “чем является? (какую роль в отношении других акторов выполняет?)”.

Суть качественного (синтактического) анализа образа заключается в определении персонажа (государства) через круг его действий. На этом уровне задается распределение ролей-действий (“качеств”) персонажей, формирующих их образы. Аналог такого рода ролей – грамматические роли, исполняемые словами в предложении (подлежащее, сказуемое и т.п.).

Существуют разные подходы к описанию дискурсивной синтактики, один из них был предложен В.Я. Проппом. Анализируя материал русских волшебных сказок, Пропп объединил элементарные повествовательные функции в так наз. *круги действий* и в результате получил семь действующих лиц (ак-

[5] При этом у выделения нескольких акторов для одного и того же государства на уровне семантики может быть и прагматическое измерение. Так, например, зачастую в случаях конфликтов могут дискурсивно дифференцироваться агрессивное правительство противника и мирный народ, лишь выполняющий его указания. Подробнее на этих вопросах мы остановимся ниже – в части, посвященной образной прагматике.

тантов), характерных для всех текстов исследуемого жанра [Пропп 2001: 73; Греймас 2000: 157]. Подход Проппа можно считать вполне приемлемым для социально-гуманитарных исследований в том плане, что исследователь может при анализе каждого жанра текстов формировать новый набор актантов.

Более универсальное решение для задачи составления актантных описаний было предложено А.Ж. Греймасом [Греймас 2000: 158-163], который выработал синтактическую схему, претендующую на применимость в отношении любого повествовательного текста, вне зависимости от его жанровой принадлежности.

Исходным пунктом для рассуждений Греймаса выступала синтаксическая структура обычного повествовательного предложения, в которой есть "субъект", "объект", "обстоятельство" и "дополнение". В соответствии с этими элементами в модели Греймаса выделяются три семантические оси и шесть актантов (см. рис. 1):

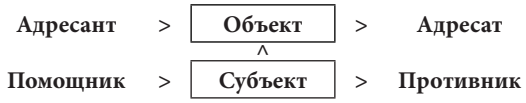
– ось желания (Субъект – Объект);

– ось испытаний (Помощник – Противник);

– ось коммуникации (Адресант – Адресат).

Рисунок 1

Актантная схема А.Ж. Греймаса



Поясним роли, характерные для каждого из актантов:

• Субъект направлен на Объект, стремится к установлению связи с ним (желает или ищет его)[6];

• Помощник способствует установлению связи между Субъектом и Объектом;

• Противник препятствует установлению связи между Субъектом и Объектом;

• Адресант запрашивает установление связи между Субъектом и Объектом;

• Адресат выигрывает от установления связи между Субъектом и Объектом (Адресант и Адресат часто совпадают).

Определенный актант включает целый класс персонажей и может воплощаться в самых различных "актерах", в том числе и в нескольких, а также может опускаться.

В настоящей работе предлагается использовать при анализе образов государств именно актантную модель Греймаса, которая, несмотря на некоторые ограничения, все же имеет универсальный характер, что является ее несомненным достоинством. Кроме того, схема Греймаса достаточно проста в освоении в качестве аналитического инструмента. Это, как можно надеяться, позволит пользоваться ею не только специалистам-дискурсологам, но и более широкому кругу ученых-обществоведов.

[6] Также возможны сюжеты, в которых Субъект испытывает "фобию" в отношении Объекта, стремится избавиться от него, разорвать связь с ним.

Прагматический аспект анализа образа

Третий уровень описания образов в представляемой аналитической схеме – это уровень прагматики. При осуществлении анализа на уровне прагматики в фокусе внимания исследователя оказываются отношения между текстом и ситуацией его порождения, в частности отношения “автор – текст”, “адресат – текст”, “автор – адресат”, “автор – ситуация коммуникации”, “адресат – ситуация коммуникации” и т.п.

Прагматическое измерение исследования дискурса и, в частности, исследования образов может обеспечить получение массы важных выводов. Однако, к сожалению, существенным методологическим изъяном на сегодняшний день является отсутствие инструментария, который позволял бы формально описывать отношения на данном уровне. Кроме того, сфера прагматического зачастую интерпретируется весьма широко и теряет четкость очертаний. Впрочем, это не должно быть основанием для исключения уровня прагматики из круга внимания исследователя. Описание образов на уровне прагматики позволяет делать важные заключения в их отношении, касающиеся всевозможных оценок и эмоциональных окрасок образов.

При этом необходимо отметить, что, поскольку исследования на уровне прагматики тесно связаны с анализом конкретных ситуаций коммуникации, наборы категорий, используемых при анализе, могут варьироваться в зависимости от изучаемой социальной проблематики и продиктованных ею задач.

Так, например, достаточно продуктивные методологические схемы прагматического анализа на материале социальной проблематики были выработаны в рамках критического дискурс-анализа (КДА). В рамках этих схем авторы, в частности, предлагают выстраивать прагматический анализ как исследование “дискурсивных стратегий”. При этом такого рода стратегии понимаются как более или менее намеренно и последовательно реализуемые планы по систематическому использованию языка, направленные на достижение определенных социальных, политических, психологических и тому подобных целей [Reisigl 2001: 44]. Таким образом, делается попытка связать уровень повествовательной прагматики как последний уровень анализа, укладывающийся в пределах текста [Барт 2000: 224], с другими системами (социальными, политическими, экономическими и т.п.).

И если мы ведем речь об анализе образов, то в модель их описания нам следует добавить анализ элементов, которые могут рассматриваться как проявления тех или иных дискурсивных стратегий. А для выработки конкретного исследовательского инструментария, позволяющего описывать образы государств, необходимо очертить некоторый круг дискурсивных стратегий, специфических для репрезентации государств.

Основой такой схемы может послужить, например, система дискурсивных стратегий репрезентации социальных акторов, предложенная Т. ван Леувеном [Leeuwen 1995: 39-66], модифицированная и дополненная некоторыми специфическими дискурсивными приемами, актуальными, когда речь идет об образах государств.

Предлагаемый к использованию в анализе образов государств набор стратегий включает три их группы (стратегии референции, предикации и исключения) и представлен в табл. 1[7].

[7] Представленный перечень стратегий не является закрытым и может быть дополнен в ситуациях, когда того потребуют те или иные контекстуальные нюансы описания образов.

При анализе прагматического аспекта образов государств предметом рассмотрения становятся дискурсивные стратегии, использование которых может быть зафиксировано в дискурсе. О реализации стратегий можно судить по некоторым систематическим языковым приемам для создания образа, ориентированного на продвижение определенной политически мотивированной версии социальной реальности.

Таблица 1

Дискурсивные стратегии репрезентации государств

Название стратегии	Определение	Языковые средства
СТРАТЕГИИ РЕФЕРЕНЦИИ		
Категоризация	Указание на государство через его принадлежность к определенной категории	
Функционализация (функциональная категоризация)	Указание на государство в терминах, производных от действий, которые оно совершает	*Агрессор, спонсор терроризма*
Идентификация (идентификационная категоризация)	Указание на государство в терминах, производимых от относительно постоянных свойств и статусов государства	
Классификация (классификационная категоризация)	Указание на государство через группу, к которой он принадлежит	
Этатизация (этатизационная классификация)	Указание на государственное образование как на государство	*Республика Ичкерия, Республика Косово, Китайская Республика*
Деэтатизация (деэтатизационная классификация)	Указание, предполагающее отсутствие статуса государства	*“Израиль”, край Косово, оккупированные территории (об Абхазии и Южной Осетии), квазигосударство, непризнанное государство*
Физическая классификация	Указание на государство через его физические характеристики	*Маленькое государство, островное государство*
Локационная классификация	Указание на государство через место его расположения	*Северная страна, средиземноморское государство*
Экономическая классификация	Указание на государство с указанием уровня его экономического развития	*Развитое государство, бедное государство*
Организационная классификация	Указание на государство через его статус в международных организациях	*Член ООН, страна НАТО*
Политийная классификация	Указание на государство через его политические характеристики (режим, форму правления и т. п.)	*Демократическое государство, королевство*
Этническая классификация	Указание на государство с учетом этнического состава его населения	*Арабское государство*
Религиозная классификация	Указание на государство с учетом конфессионального состава его населения	*Мусульманское государство*

Продолжение таблицы 1

Название стратегии	Определение	Языковые средства
Реляционная идентификация	Указание на государство через его отношения с другими государствами	*Союзник, партнер, враг*
Абстракция	Указание на государство через абстрактное понятие	*Карабахский вопрос, казус Косово*
Дифференциация	Указание на отдельные составные части госу-дарства: правительство, народ, первых лиц	*Народ Грузии, режим Саакашвили, российское правительство, президент Обама*
Индифференциация	Указание с намеренным невыделением составных частей	
Индетерминация	Неопределенное указание	*Некоторые отдельные государства*
Ассоциация с говорящим	Указание на общность, существующую между говорящим и описываемым образованием	*Использование личных и притяжательных местоимений первого лица (мы, наш)*
Диссоциация с говорящим	Противоположность ассоциации	*Использование личных и притяжательных местоимений третьего лица*
Оценочная референция	Оценочное указание на государство	*Империя зла, агрессор*
СТРАТЕГИИ ПРЕДИКАЦИИ		
Оценочная предикация	Оценочное указание на действия и свойства государства	*Устраивает геноцид, нарушает международное право, развязывает войну*
Пассивация	Предикация пассивности	*Преимущественное задействование государства в пассивных синтактических ролях*
Виктимизация	Частный случай пассивации. Предикация пассивной роли в ситуации негативного воздействия	
Активация	Противоположность пассивации	
СТРАТЕГИИ ИСКЛЮЧЕНИЯ		
Радикальное исключение	Отсутствие в тексте каких бы то ни было указаний на то или иное государство	
Умалчивание	Прием, когда в тексте остаются лишь косвенные указания на то или иное государство в виде упоминаний некоторого действия без называния того, кто это действие осуществляет	*Безличные конструкции, причастия и отглагольные существительные*
Частичное умалчивание	Избегание прямого упоминания государства без полного исключения упоминаний	

Пример анализа: образ Косова в российском внешнеполитическом дискурсе

В качестве примера анализа образа государственного образования в настоящей статье обратимся к результатам разбора образа Республики Косово, конструируемого в российском внешнеполитическом дискурсе. Интерес к именно этой проблематике продиктован тем фактом, что в российском внешнеполитическом дискурсе в отношении Косова решается сложная задача репрезентации государственного образования, за которым, в соответствии с официальной позицией России, не признается статус независимого государства при том, что целый ряд стран сепаратистскую республику в этом качестве признал. То есть в первую очередь изучение казуса Косова интересно с точки зрения того, как в этих непростых условиях (когда нужно сказать о государстве, не сказав о нем как о государстве) выстраивается официальный российский дискурс об этом образовании.

Для разбора образа Косова были проанализированы все тексты с его упоминанием, озвученные Дмитрием Медведевым в период президентства – с 2008 г. по 2012 г. (всего 23 текста).

Были отобраны именно тексты из президентского дискурса, поскольку, согласно российской конституции, руководство внешней политикой страны осуществляет президент. В качестве начальной точки временного отрезка был избран 2008 г. по той причине, что тогда в международном статусе Республики Косово произошли существенные сдвиги.

Для каждого отобранного текста был осуществлен семантический, синтактический и прагматический анализ по представленной выше схеме.

Семантический аспект образа Косова

На первом этапе анализа образа Косова был выделен набор пропозиций, наиболее часто встречающихся в рассматриваемых повествованиях в связи с упоминаниями этого государственного образования. При этом удалось зафиксировать два типа такого рода пропозиций. Первый из них был сгруппирован вокруг *Косова как самопровозглашенного государственного образования, второй – вокруг казуса Косова (примера Косова и т.п.)*.

Круг действий, приписываемых Косову и косовскому казусу, оказывается достаточно узким. Ниже представлен список основных пропозиций, которые возникают в исследованных текстах в связи с упоминанием Косова.

Косово:

– провозглашает свою независимость;

– в нарушение международного права признается рядом стран;

– было отделено и признано в результате усилий ряда стран;

– установило отношения с рядом стран;

– не признано рядом государств.

Казус Косова:

– свидетельствует о слабости действующих механизмов безопасности, делает насущным вопрос о подписании специального соглашения о европейской безопасности;

– является прецедентом;

– имеет альтернативы, основанные на международном праве (косовское урегулирование);

– аналогичен ситуации с признанием Южной Осетии Россией.

Несмотря на то что количество приведенных выше пропозиций для *Косова* и *казуса Косова* примерно одинаково, в плане частотности в исследованном материале концептуализация в виде казуса оказывается гораздо более распространенной.

Из приведенного набора пропозиций можно заключить, что Республика Косово упоминается в российском внешнеполитическом дискурсе преимущественно в связи с ее самопровозглашением и признанием. Никакие другие действия косовской стороны ни в каком виде не представлены.

Синтактический аспект образа Косова

После выделения основных сюжетных элементов в текстах, затрагивающих тему Косова, был построен ряд актантных схем по модели, в соответствии с которыми строились проанализированные повествования. Некоторые проблемы на этом этапе возникли в связи с тем, что в целом ряде российских внешнеполитических текстов Косово представлено весьма периферийно. И зачастую оно, хотя и упоминается, никоим образом не включено в общую схему повествования, подчиняясь скорее риторическим задачам и аргументативной грамматике, нежели грамматике повествовательной. Тем не менее, для многих текстов актантные схемы построить удалось. Это были как раз те тексты, в которых Косово было представлено наиболее весомо, и можно было действительно вести речь о каком-то его образе, который в этих случаях дискурсивно конструируется.

Первая из актантных конфигураций, которую предлагается обсудить, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Актантная схема, характеризующая образ Косова (1)

Адресант	Объект	Адресат
	Отделение Косова от Сербии. Признание Косова	
Помощник	**Субъект**	**Противник**
Усилия некоторых стран	Некоторые страны	Международное право

В представленной схеме, как можно увидеть, признание Косова и отделение Косова от Сербии оказываются представлены в роли Объектов, к признанию которых устремлен Субъект в виде *ряда стран* (в текстах эти страны обычно указаны неопределенно). При этом указано, что достижение такого рода Объекта возможно только через преодоление препятствий, диктуемых международным правом.

Несколько иная позиция сюжетного элемента, связанного с независимостью Косова, представлена в табл. 3.

Таблица 3

Актантная схема, характеризующая образ Косова (2)

Адресант	Объект	Адресат
	Глобальное доминирование	Размежевание в международной жизни Косово (провозглашение независимости Косова). Реанимация политики сдерживания
Помощник	**Субъект**	**Противник**
Односторонние действия США	США	Россия

В соответствии с логикой повествования, представленной в этой схеме, провозглашение независимости Косова оказывается следствием (Адресатом) стремления США (Субъект) к глобальному доминированию (Объект) посредством односторонних действий (Помощник).

О том, каким образом в российский внешнеполитический дискурс встроена позиция России по вопросу о косовском урегулировании, можно судить из табл. 4.

Таблица 4

Актантная схема, характеризующая образ Косова (3)

Адресант	Объект	Адресат
	Национальные интересы Сербии. Территориальная целостность Сербии	
Помощник	**Субъект**	**Противник**
Россия. Неприятие Россией признания Косова	Сербия	

На данной схеме показано, какова роль, отводимая вопросу о косовском урегулировании, в контексте обсуждения российско-сербских отношений. С точки зрения представленной актантной конфигурации, позиция России по вопросу о косовском урегулировании играет роль Помощника, способствующего обеспечению национальных интересов Сербии (Субъект-Объект).

Как можно увидеть из схем, ни в одной из них Косово не представлено напрямую в виде действующего актора. Преимущественно роль, отводимая Косову в повествованиях российского внешнеполитического дискурса, оказывается пассивной и косвенной. Косовская проблематика обсуждается через призму взаимодействия других акторов – России, США и Сербии.

Прагматический аспект образа Косова

На этапе обсуждения прагматического аспекта образа Косова, формируемого в рамках официального российского внешнеполитического дискурса, были проанализированы основные реализующиеся в дискурсе стратегии репрезентации этого государства.

На первом этапе прагматического анализа образа Косова были исследованы способы референции, используемые в анализируемом дискурсе при указании на республику. При этом по результатам рассмотрения всех случаев указания на Косово в текстах можно заключить, что доминирующей стратегией при конструировании соответствующего образа в российском внешнеполитическом дискурсе является стратегия деэтатизации, т.е. стратегия, ориентированная на то, чтобы дискурсивно утвердить отсутствие государственного статуса у изображаемого образования.

В качестве проявлений стратегии деэтатизации можно обозначить следующие зафиксированные в дискурсе приемы. Во-первых, это отсутствие в исследованных текстах указаний на государственный статус Косова (*Республика Косово, государство Косово*). Во-вторых, это указание на Косово как на регион в составе Сербии (*регион, самопровозглашенный регион, Косово и Метохия*).

На этом фоне в качестве дополнительного средства деэтатизации может рассматриваться широко реализуемая в российском дискурсе в отношении

Косова стратегия абстракции. О некоторых проявлениях этой стратегии в дискурсе уже говорилось выше. Ее проявления заключаются в том, что о Косово в российском дискурсе речь идет преимущественно не как о государстве и вообще даже на как о социальном акторе, а как о предмете проблемы, случае, казусе.

При этом такого рода проблематизированная репрезентация образа Косова оказывается зачастую нагружена дополнительными негативными оценками. Так, например, в одном из исследованных текстов речь идет о Косово как о “крайне опасном, неудачном прецеденте”.

Референциальная стратегия деэтатизации дополняется в российском политическом дискурсе о Косове еще и предикационной стратегией пассивации. Реализизуется такого рода стратегия как в синтаксисе предложений и словосочетаний, так и в более масштабной повествовательной синтактике.

На уровне словосочетаний и предложений Косово почти никогда не упоминается в активной грамматической роли. Обычно, даже когда речь идет о действиях, предпринимаемых Косово (*провозглашение независимости*), активные конструкции (*Косово провозгласило независимость*) не используются. Вместо них повсеместно используются конструкции посессивные – *провозглашение независимости Косова, отделение Косова*.

Что касается уровня повествовательной грамматики, то здесь, как уже можно было заметить на примерах актантных схем, приводившихся выше, эпизодам, связанным с Косово, в исследуемых повествованиях отводятся преимущественно пассивные роли Объекта или Адресата. А в ряде случаев Косово вообще оказывается представлено в повествовании только косвенным образом – будучи упомянуто, но не будучи включено в дискурс в качестве действующего лица.

* * *

Результаты разбора семантики, синтактики и прагматики образа Косова в российском внешнеполитическом дискурсе можно обобщить в виде следующих выводов:

1а. Республика Косово упоминается в российском внешнеполитическом дискурсе исключительно в связи с ее самопровозглашением и признанием.

1б. Косово репрезентуется преимущественно не как государственное или квазигосударственное образование, а как проблема, казус, случай.

2. С точки зрения повествовательной синтактики, роли, исполняемые Косовом, в основном таковы:

• Отделение и признание Косова (Объект) – предмет желаний и усилий ряда государств (Субъект), которые стремятся к этому вопреки международному праву (Противник).

• Провозглашение независимости Косова (Адресат) – одно из следствий стремления США (Субъект) к глобальной гегемонии (Объект), которую они обеспечивают своими односторонними действиями (Помощник) и которой противостоит Россия (Противник).

• Неприятие Россией независимости Косова (Помощник) – поддержка устремлений Сербии (Субъект) к сохранению территориальной целостности (Объект).

3. С точки зрения прагматики в образе Косова российский политический дискурс реализует следующие стратегии:

• Деэтатизация (референциальная стратегия, направленная на утверждение отсутствия государственного статуса у репрезентуемого образования).

• Проблематизация (референциальная стратегия, предполагающая репрезентацию чего-либо в виде проблемы).

• Негативная оценка.

• Пассивация.

Те результаты, которые удалось получить, проведя анализ образа Косова по предложенной схеме, позволяют предположить, что ее применение может быть продуктивным в целом ряде случаев, когда требуется детально и систематически описать образы тех или иных государственных образований. Кроме того, если будут составлены такого рода описания образов нескольких государств, становится возможен их систематический сравнительный анализ.

Описанная модель образа и очерченная методология его анализа могут быть использованы в целом ряде обществоведческих дисциплин, и в частности, в политических исследованиях. Объекты анализа при этом могут избираться самые разные: программные политические тексты, медийные тексты, официальные внутри- и внешнеполитические документы, устные заявления политиков и т.д. Иными словами, есть основания предполагать, что образы, формирующиеся в политических дискурсах, могут быть предметом последовательного анализа.

В качестве одного из достоинств предложенной схемы анализа можно отметить тот факт, что в проводимых с ее использованием исследованиях кодированные описания образов могут быть составлены на самом разном материале. При этом “язык”, на котором такого рода описания составляются, оказывается независим от дисциплинарных границ, продиктованных тематикой текстов или дисциплинарной принадлежностью исследователя. Впрочем, это следует отнести не столько к числу преимуществ данного конкретного метода, сколько в целом ко множеству возможных семиотически ориентированных методов анализа социальной действительности.

Применение такого рода аналитического аппарата, среди прочего, позволяет отчасти снять и проблему идеографичности социальных и гуманитарных наук. Исследуемые тексты рассматриваются в рамках применяемой парадигмы не как полностью уникальные объекты, а как воплощения некоторых семиотических абстрактных закономерностей. При этом семиотически ориентированные методы обычно могут применяться трансдисциплинарным образом, что создает предпосылки для методологической интеграции социального знания по мере их развития и внедрения.

Барт Р. 2000. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. – *Французская семиотика*. М.: Прогресс, с. 196-238.

Берендеев М.В. 2012. “Образ” как эпистемологическая категория в дискурсивных практиках. – *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. М.: ИНИОН РАН, с. 131-137.

Греймас А.-Ж. 2000. Размышления об актантных моделях. – *Французская семиотика*. М.: Прогресс, с. 153-170.

Ильин М.В. 2009. Существуют ли общие принципы эволюции? – *Полис. Политические исследования*, № 2, с. 186-189.

Ильин М.В. 2013. Методологический вызов. – *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. М.: ИНИОН РАН. – В печати.

Моррис Ч.У. 1983. Основания теории знаков. – *Семиотика*. М.: Радуга, с. 37-89.

Пропп В.Я. 2001. *Морфология волшебной сказки*. М.: Лабиринт, 192 с.

Руднев В.П. 2000. *Прочь от реальности*. М.: Аграф, 432 с.

Семененко И.С. 2008. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности. – *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 7-18.

Фомин И.В. 2012. Возможности структурного исследования образов в политических дискурсах. – *Политическая наука*, № 2, с. 237-250.

Фомин И.В. 2013. Элементы семиотического органона для обществоведения: анализ повествований. – *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. М.: ИНИОН РАН. – В печати.

Шрёдингер Э. 2002. *Что такое жизнь?* М.: Ижевск: НИЦ "Регулярная и хаотическая динамика", 92 с.

References

Leeuwen T. van. The Representation of Social Actors. – *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. N.Y., Routledge, 1995, p. 32-70.

Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspective*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966, 120 p.

Reisigl M., Wodak R. *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. 2001. L., Routledge, 2001, 298 p.

Barthes R. Vvedenie v strukturnyij analiz povestvovatel'nyx tekstov. – Francuzskaya semiotika [Introduction to the Structural Analysis of the Narrative. – *French Semiotics*]. Moscow, Progress, 2000, p. 196-238.

Berendeev M.V. "Obraz" kak e'pistemologicheskaya kategoriya v diskursivnyx praktikax ["Image" as an epistemological category in social practices]. – *METOD*. Moscow yearbook of contributions in social research. Moscow: INION RAN, 2012, p. 131-137.

Fomin I.V. On the Perspectives of Structural Analysis of Verbal Images in Political Discourses. – *Political Science*, 2012, no. 2, p. 237-250. (In Russ.)

Fomin I.V. E'lementy semioticheskogo organona dlya obshhestvovedeniya: analiz povestvovanij [Elements of Semiotic Organon for Social Sciences: Narrative Texts Analysis]. – *METOD. Moscow yearbook of contributions in social research*. Moscow: INION RAN, 2013, in print.

Greijmas A.-Zh. Razmyshleniya ob aktantnyx modelyax. – *Francuzskaya semiotika* [Reflections on Actantial Models]. Moscow, Progress, 2000, p. 153-170.

Ilyin M.V. Are There General Principles of Evolution? – *Polis. Political Studies*, 2009, no. 2, p. 186-189. (In Russ.)

Ilyin M.V. Metodologicheskij vyzov [Methodological Challenge]. – *METOD. Moscow yearbook of contributions in social research*.. Moscow: INION RAN, 2013, in print.

Morris Ch.W. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. – *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga, 1983, p. 37-89.

Propp V.Ya. *Morfologiya volshebnoj skazki* [Morphology of the Folktale]. Moscow, Labirint, 2001, 192 p.

Rudnev V.P. *Proch' ot real'nosti* [Away from reality]. Moscow, Agraf, 2000, 432 p.

Semenenko I.S. Depictions and Images in the Discourse of National Identity. – *Polis. Political Studies*, 2008, no. 5, p. 7-18. (In Russ.)

Schrödinger E. *Chto takoe zhizn'?* [What is Life?]. Moscow; Izhevsk: NIC "Regulyarnaya i haoticheskaya dinamika", 2002, 92 p.